

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ РОМАН ПУШКИНА („ДУБРОВСКИЙ“).

„Дубровский“ не был напечатан при жизни Пушкина. „Дубровский“ не был и закончен Пушкиным. Сохранились — единственная, сплошь очень черновая и до конца еще не изученная, почти вся карандашом писанная, рукопись романа и несколько планов, программ, оглавлений. Они свидетельствуют о том, что предполагался еще третий том, но что-то заставило Пушкина бросить замысел. Все эти моменты должны обязательно учитываться при обращении к „Дубровскому“. Обычно этого не делается.

В начале рукописи романа, не имеющего заглавия, стоит пушкинская дата, от которой мы вправе отправляться: „21 Окт. 1832. С.П.Б.“, и дальше почти все главы датированы Пушкиным. Собственно к 1833 г. относятся главы с пятнадцатой (1 янв. 1833) по девятнадцатую (6 февраля 1833). Таким образом новый 1833 год застал Пушкина над „Дубровским“. Им — открылся.

Овладев манерой „быстрой“ бытовой новеллы со звучащим в ней голосом рассказчика („Повести

Белкина“), Пушкин стал переключать новеллистическую форму на лад исторического романа. Этот прозаический жанр в эпоху николаевско-бенкендорфского режима был одной из немногих открытых писателю литературных форм. Он в наибольшей степени оставлял возможность в рамках историко-бытового материала адресоваться к моментам прошлого, т. е. патристически-канонизирующе звучать для господствующего класса. К тому же именно исторический жанр богато разрабатывался в тридцатые годы XIX века и лучшими мастерами западно-европейской прозы.

Роман о царском арапе, начатый еще в 1827 — 1828 гг., увлек Пушкина и мог бы быть принят Николаем I с одобрением наряду с „Полтавой“, как прославление его „пращура“ — Петра, как великолепная реконструкция былого века (именно сцены „ассамблеи при Петре I“ и „обеда у русского боярина“ только и напечатал сам Пушкин). Но Пушкина интересовала и может быть в большей степени и стрелецкая оппозиция Петру.

В черновиках „Арапа“ уже возникал образ героя стрельца, позже Пушкин набрасывал план „Сын казненного стрельца“... Среди предков Пушкина был и участник противопетровского заговора. Его или другого своего предка — Ганнибала было выбирать Пушкину в героя?

К тому же оскорбительные выпады Булгарина

на тему об „арапском“ происхождении поэта присоединились сюда. Пушкин бросил „Арапа“.

Новая попытка большого исторического полотна была сделана в 1832 г. в „Дубровском“. Жанр исторического романа, смыкающегося с мелодрамой, казалось, опять звучал успокаивающе, но в рамках жанра Пушкин, оставаясь верным себе, все также неизбежно шел навстречу социальной стороне романа.

Рассказ Нащокина о процессе бедного дворянина Островского с соседом послужил внешним отправным пунктом для пушкинского замысла. Через знакомого Нащокина — Д. В. Короткого, знавшего судопроизводство, Пушкин достал выписку из подлинного судебного дела сельца Новопанского и самое это „дело“ решил в качестве исторического документа поместить „вполне“ в тексте II главы, с остро-сатирической мотивировкой („полагая, что всякому приятно будет увидеть один из способов, коими на Руси мы можем лишиться имения, на владение коим имеем неоспоримое право“).

Писарская копия подлинного „дела“ на синих листах так и осталась по сегодняшний день вложенной в соответствующую главу рукописи „Дубровского“. На ней Пушкин начал карандашную правку собственных имен, но не окончил ее. В соответствии со своим романом он исправил имена подлинных тяжущихся: „гвардии поручика Ивана Яковлева,

сына Муратова“ зачеркнул, приписав вместо этого: „Гв. поруч. Ан. Гавр. Дубр.“; „гвардии подполковника Семена Петрова, сына Крюкова“ — тоже вычеркнул, вписав на его место: „Генерал Аншефа Троекурова“. Точно также и вместо „сельца Новопанского“ надписано было Пушкиным „сельце Кистеневка“. Однако, дат этого процесса, как и некоторых других имен, Пушкин еще не привел в соответствие с хронологией своего романа. Например, в подлиннике процесс начинается словами „1832 года Октябрю... дня Козловский уездный суд“ . . . Несомненно, если бы Пушкин закончил роман, современные ему даты и точные географические названия тоже оказались бы исправленными. Во всяком случае их никак нельзя считать за реальные даты жизни стариков Дубровского и Троекурова, как ошибочно делают порой пишущие о „Дубровском“. Документ был нужен Пушкину просто для придания роману исторического колорита, исторической убедительности. Такой способ введения в роман документа уже широко практиковался западными историческими романистами — современниками Пушкина.

Любопытно, что Пушкин, всегда цenia мнение специалиста, хотел именно специалисту по судопроизводству показать свой роман. 2-го декабря 1832 г. он писал Нащокину: „... первый том Островского кончен и на днях будет прислан на твое рассмотрение и на критику г. Короткого. Я написал

его в две недели, но остановился по причине жестокого ревматизма, от которого прострадал другие две недели, так что не брался за перо и не мог связать две мысли в голове.“

К сожалению, кроме этого письма мы почти не имеем ни писем, ни других материалов, касающихся обстоятельств создания „Дубровского“.

Мелодраматическая линия романа не представляет вершины пушкинского творчества, по крайней мере в той черновой стадии, в которой роман был брошен. И сам Пушкин, как это видно из особенно обильных поправок именно в сценах этого рода (напр. сцены свиданий с Машей), очевидно был недоволен собою. Уже гораздо более законченной формы достиг Пушкин в сценах юмора, вплетающихся в „ужасный“ разбойничий роман (Дубровский и Антон Пафнутьевич). Но центральный, неувядающий интерес придают черновому роману гениально сделанный образ Троекурова, уже вышедший из черновых „лесов“, штрихи высокопробного мастерства в массовых сценах, там и здесь мелькающее тяготение автора к социальным, порою пугающим самому Пушкина, характеристикам.

С первых же страниц повести, рядом с картинами монументального быта, встали сатирические картины Троекуровского крепостного гарема; быт тиранящего дворянина самодура феодала был противопоставлен троекуровской же псарне с „лазаретом“ и „бо-

гадельней“ для „благородных сук“; жизнь засекаемых дворовых противоположена жизни „более пятисот гончих и борзых (живших) в довольстве и тепле“.

Внимательный анализ черновикиков „Дубровского“ показывает, что внешние сделки-кондиции Пушкина с правительством Николая нисколько не изменили подлинных, душевных точек зрения Пушкина — недавнего друга декабристов — на жизнь российского Горюхина.

Черновики обнаруживают, что в вопросе о двух дворянствах: старом, дошедшем до полного обнищания (первоначально Пушкин так и определил устами „холопа“ этот тип, как „голо го дворянина“) и дворянстве новом, выдвинутом дворцовыми переворотами, — Пушкин стоял на своей обычной позиции. Голому дворянину — старому Дубровскому с его „расстроенным состоянием“, к которому безусловно привлекаются симпатии читателя, противопоставлен Троекуров в таком контексте: „С л а в н ы й 1762 год разлучил их надолго. Троекуров, родственник княгини Дашковой, пошел в гору“. В этих, позже вычеркнутых Пушкиным словах, сквозит явный укол новому дворянству, возникшему из „ваксивших царские сапоги“, из выдвинувшихся по родственным связям с участниками дворцового переворота.

Таким образом, в первоначальном замысле „Дубровский“ должен был быть, между прочим, иллюст-

рацией волновавшей Пушкина в эти годы мысли о расслоении дворянства. В основу романа положен вопрос о двух героях, как записал вначале Пушкин, „рожденных в одном сословии“. Оба они секут как своих, так и соседних крепостных, но меж собой они — воюющие феодалы. Их рознь внутри своего „сословия“ определила и роль молодого героя „Дубровского“ (в рукописи он называется также „Островским“ и „Зубровским“), как достойного представителя „древнего дворянского рода, выстоявшего против волн и непогод времени“, как мстителя за унижения своего отца, своего рода. Поддержкой такого „мстителя“, естественно, могла явиться только одна социальная сила — крепостное крестьянство. Его недовольство помещичьим и чиновничьим строем в о б щ е нашло некоторый выход в войне, объявленной одному помещику другим.

Юный Дубровский, в сущности, глубоко чужд этой силе и ее нуждам и интересам, так же как и эта крепостная масса глубоко чужда его интересам. Пушкин характеризует Дубровского так: „Будучи расточителен и честолюбив, он позволял себе роскошные прихоти, играл в карты и входил в долги“. Крестьяне — случайные попутчики и пособники его, так же как Владимир Дубровский — только случайный их попутчик и вождь. На предложение крестьян: „прикажи, сударь, с судом мы управимся“ Владимир отвечает: „Стойте смирно“.

На призыв крепостного: „Ребята, вязать!“ Дубровский кричит: „Стойте . . . дураки, что вы это? вы губите и себя и меня — ступайте по дворам и оставьте меня в покое. Не бойтесь, государь милостив, я буду просить его — он нас не обидит — мы все его дети — а как ему за вас будет заступаться если вы станете буйствовать и разбойничать“.

Он останавливает кузнеца с топором словами: „Не приказные виноваты“. Поджигая собственный дом, чтобы он не достался личному врагу, он просит отпереть двери, дать возможность спастись приказным. Иное дело Архип. У крестьянства свои думки про милость государеву и свои счета с приказными, он бормочет „как не так, ото при“; когда приказные заживо сгорели, он приговаривает: „теперь все ладно“ и в то же время (Пушкин прекрасно знает психологию крестьянина) с опасностью для себя спасает... „божью тварь“ — кошку.

А Дубровский, силою вещей ставший благородным разбойничьим атаманом, героем романтической мелодрамы, живет в землянке, обвешенной богатыми коврами, с приготовленным для героини „женским серебряным туалетом и трюмо“. Дубровский отказывается ради любви к Маше Троекуровой от мести ее отцу.

Если силою обстоятельств Дубровскому пришлось даже выступать активно и против правительственных войск, то, как только борьба оказалась конченной,

Дубровский покидает своих недавних товарищей со словами: — „вы все мошенники, и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло“.

Соответственно одному из планов неосуществленной, или недошедшей до нас третьей части, Дубровский в свою очередь впоследствии должен был быть предан в Москве, в кабаке, одним из крепостных своей шайки в руки полицмейстера. Любопытно, что в одном из первоначальных планов Пушкин несколько иначе намечал взаимоотношения героя с крепостными: „Люди его питают его и себя как-нибудь. Едет заседатель, люди Островского его убивают из мести. Следствие начинается. Суд приезжает к Остр. Островский заступает за своих людей—вяжет суд и делается разбойником.“

Очевидно, Пушкин изумительной чуткостью художника-реалиста почувствовал надуманность и фальшь подчеркнутого здесь положения и отказался от него, заменив его более правдоподобным мотивом личной, родовой мести.

Уже в следующем плане Пушкиным отмечено: „Ночной пожар (от людей без участия Дубровского), Архип убивает суд“.

Именно в этом мне кажется смысл пушкинской переделки этой важнейшей сюжетной ситуации.

Пушкин не закончил своего историко-социального романа может быть отчасти именно оттого, что социальные моменты явно перевешивали, художественно перевешивали в нем исторический колорит и мелодраму, подсказанную традициями западного „разбойничьего“ романа. Возможно, Пушкину стало ясно, что роман в том виде, как он выходил из-под его пера, не сможет увидеть света.

А между тем уже новый замысел историко-социального романа, давно тревоживший воображение Пушкина, захватил его целиком. 31-м января 1833 г. помечен один из планов „Капитанской дочки“. 7 февраля 1833 г., остановившись на девятнадцатой главе „Дубровского“, Пушкин ходатайствует о предоставлении ему для изучения „Следственного дела“ о своем новом герое, подлинном вожде и организаторе крестьянского восстания — Пугачеве.

Д. Якубович.

ПУШКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Серия: „Последние годы
творчества Пушкина“

— 1833 — 1837 —

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

Л Е Н И Н Г Р А Д
1 9 3 3